

ИССЭЙ
САГАВА

ДНЕВНИК КАННИБАЛА

ИСТОРИЯ
ЯПОНСКОГО
ЛЮДОЕДА, КОТОРЫЙ
ВМЕСТО СРОКА
ПОЛУЧИЛ СЛАВУ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2025

УДК 343.9
ББК 67.51
С13

Сагава, Иссэй.

- С13 Дневник каннибала : история японского людоеда, который вместо срока получил славу / Иссэй Сагава ; [перевод с японского В. Земляновой]. — Москва : Родина, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-00269-031-2

Убийство Рене Хартевельт в 1981 году потрясло весь цивилизованный мир. Учившийся во Франции японский студент Иссэй Сагава заманил к себе свою однокурсницу и, убив ее, превратил тело в трапезу.

Во Франции Сагава был заключен в психиатрическую больницу. Там его предполагалось держать до конца жизни. Но через несколько лет японские дипломаты добились его депортации. Каннибала вернули в Японию, где местные врачи признали его вменяемым и освободили.

Иссэй Сагава не только вышел на свободу, но и стал... известным поваром, кулинарным критиком и успешным писателем.

УДК 343.9
ББК 67.51

ISBN 978-5-00269-031-2

© Сагава И., 2025
© Землянова В., 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

Оглавление

Иссэй Сагава. В тумане

Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	40
Глава четвертая	93
Глава пятая	112
Глава шестая	130
Послесловие	154

Маньяки Японии.

Душегубы Страны восходящего солнца

Страшная воля богов: трагедия в Осаке Юми Мацутои	161
Слепая зона Системы: Мамору Такума Александр Бауман	166
«Особое зло из другого мира» История Гэндзо Курита	219
44 дня пыток и насилия перед смертью Дзюнко Фурута	231
Сеито Сакакибара и его тетрадь смерти Александр Бауман	260
Влюбленный каннибал Иссэй Сагава Александр Бауман	268

Футоши Мацунага: создатель семейного ада Александр Бауман	276
Невада-тян: школьница с канцелярским ножом Александр Бауман	285
Дзехацу: как десятки тысяч японцев по своей воле уходят в никуда каждый год Степан Ботарев	307
Полиамория с гейшей и осьминог как символ оргазма. Гид по японскому эротизму Катя Кильтау	321

Иссэй Сагава
В ТУМАНЕ

Глава первая

Как документалист время от времени, я оказался вовлечен в это дело, когда оно все еще было свежим и обсуждаемым в новостях.

В довольно прохладное утро раннего лета я решил поехать на юго-восток Парижа, чтобы навестить его в одиночной камере.

Когда я оказался внутри старой кирпичной тюрьмы, меня передали в распоряжение высокого надзирателя. Я пошел за ним: сначала он свернул налево, потом направо, затем поднялся по одной лестнице, а потом по другой, пока мы не достигли третьего этажа – эта зона была окрашена в кремово-белый цвет, и всюду были металлические решетки. В конце концов мы остановились у небольшой двери в углу здания. Над дверью, выцветшей синей краской, была выведена цифра 43.

Надзиратель распахнул дверь, эхо прокатилось по зданию, и он жестом пригласил меня войти.

Внутри находилась узкая комната с кроватью, прикрепленной к стене. Сагава сидел на кровати, лицом к нам. За его спиной находилось окно, и струящийся свет отбрасывал тень на его лицо. Однако я увидел, что он смотрел на меня с некоторым удивлением. Медленно на его лице появилась улыбка, и он слегка поклонился.

У него была большая голова – единственная часть тела, которую можно было назвать крупной. Я пред-

положил, что ему около тридцати. Он производил впечатление человека, избегающего дружбы, и в его глазах читалась застенчивость. Отбросив первое впечатление, я протянул ему руку. Он вложил в нее холодные, тонкие пальцы. Хотя меня слегка поразило, насколько маленькой была его рука, я сделал вид, что не заметил. Притворно бодро улыбнувшись, я сел рядом с ним на кровать.

До этого момента он сидел, повернувшись к стене справа от меня. Казалось, он хотел что-то сказать. На стене висела панель, покрытая газетными вырезками о преступлении, а в центре – большая фотография жертвы. Я подумал: неужели он проводит дни, уставившись в это фото?

– Это все про тебя, да?

– Да, – ответил он голосом таким тонким, что он напомнил мне писк комара.

– Я их собираю.

– Истории о себе?

– Именно. Мне интересно, что в них говорят...

Я вновь почувствовал некоторое удивление.

– Знаешь, ты теперь знаменит?

– Да уж, и слава какая...

При этих словах его лицо озарила улыбка, и я впервые увидел в его глазах совсем другого человека. Вдруг он показался мне злобным ребенком.

Я вспомнил, что говорили его знакомые перед поездкой сюда: в нем есть нечто, что буквально заставляет людей сочувствовать ему. Вероятно, именно это позволяло ему сохранять спокойствие.

Боясь попасть в ту же ловушку, я сказал:

– Наверное, ты уже знаешь, что меня прислал японский журнал. Мне поручено разобраться в твоём

деле. – Я снова рассмеялся, но смех застрял у меня в горле.

– Не знаю, слышал ли ты, но, говорят, премьер-министр, который сейчас в Европе, тоже о тебе знает, и Министерство иностранных дел даже выпустило доклад.

– Я читал что-то об этом в местной газете, – тихо сказал он.

– Похоже, я устроил небольшую суматоху...

– Хотя, – добавил он с хихиканьем, которое перешло в усмешку, – я не понимаю, почему из этого делают такую сенсацию. – Эта усмешка, казалось, была с ним с самого начала. Я вдруг уловил дерзость, скрытую в этом застенчивом молодом человеке, и почувствовал легкое отвращение.

Я продолжил, несмотря ни на что:

– И во Франции, и в Японии все пытаются тебя понять. Ничего подобного раньше не случалось.

– Психиатры говорят всякое. Газеты – тоже.

– А ты сам что думаешь?

– Насчет чего?

– Ну, есть куча теорий, почему ты это сделал, и все рассуждают, какой ты на самом деле, хотя никто не знает точно...

– Ты сам-то знаешь, почему ты это сделал?

– Не совсем... Это трудно объяснить. Думаю, если бы я знал, то, может, и не сделал бы этого.

– Вполне возможно.

– Но при этом у меня есть очень сильное чувство, почему я не могу понять свои собственные чувства. И это меня действительно беспокоит...

– Что? – Я потерял нить. Но в то же время мне показалось, что я нащупал нечто глубоко скрытое

в нем. Я посмотрел на него. Он смотрел в пол, пока говорил, но вдруг поднял глаза и пристально взглянул мне в лицо.

Я опустил взгляд и тихо сказал:

– Может, расскажешь мне все, что можешь, о своих мыслях, о том, что ты чувствуешь? Я понимаю, я всего лишь репортер, но я всегда отвечаю за то, что пишу. Если есть что-то, что ты хочешь оставить за кадром – я умею хранить секреты. Все, что мы тут обсуждаем, останется между нами, и ты сам решишь, что пойдет в печать. Что скажешь? Дашь согласие?

Он не пошевелился, лишь слегка вдохнул и мягко ответил:

– Я не сделал ничего такого, что, по моему мнению, следовало бы скрывать от общества. Пиши все, что хочешь. Но пиши точно так, как я расскажу.

– Конечно, – сказал я. – Это само собой разумеется.

Некоторое время он сидел, уставившись в пол. Потом поднял голову, его взгляд переместился на фотографию девушки на стене напротив. Прошел миг, и казалось, его мысли ушли далеко за пределы этой фотографии. Затем, с легкой дрожью в голосе, он начал говорить.

Глава вторая

Кажется, я впервые по-настоящему осознал ее существование за месяц до происшествия. Это была середина весны. Мы посещали один и тот же курс по современной французской литературе – изучали дадаизм. Я присоединился к курсу довольно поздно. Иногда она проходила мимо меня, чтобы занять свое место до начала лекции. Все, что я тогда заметил – это то, какая она высокая и бледная, и что всегда приходила с одним и тем же парнем. Между нами не было абсолютно никакой связи. Я даже ни разу не видел ее лица – только спину, когда она проходила мимо. Я даже не знал, где именно она сидит.

Но однажды она села на место рядом со мной. И это было еще не все. В тот день, по-видимому, настала ее очередь делать презентацию. Когда пришло время, она достала свои заметки и начала говорить довольно высоким, возбужденным голосом. Я заметил ее способ дыхания – как будто она вдыхала тот же воздух, что только что выдохнула. Когда она сделала особенно глубокий вдох, преподаватель, сидевший рядом со мной, подбодрил ее.

Когда она поднялась на сцену и села, я разглядел ее стройную фигуру, и под длинной бледной шеей – хорошо развитую грудь, которая как будто выпрыгивала навстречу мне. Инстинктивно я почувствовал, что она далека от меня. Но в то же мгновение подумал: хоть на короткое время, но мне хотелось бы

быть другом этой женщины. Я был уверен, что никогда раньше не встречал никого подобного.

Я не мог отвести от нее глаз. Ее белая кожа была почти прозрачной, ее безупречные черты лица придавали ей элегантность, а ко всему этому добавлялась утонченная доброжелательность, не похожая на холодность французских девушек. Почему-то мне показалось, что она может быть австрийкой, и, глядя на нее, я вспоминал Тироль и заснеженные Альпы. Но потом подумал – наверное, нет... В Австрии я встречал много девушек с большими, круглыми лицами. А она была совершенно другой.

В какой-то момент я увидел, как она читает учебник по немецкому языку, и подумал: «Вот оно... она, должно быть, немка». Когда я услышал, как она говорит по-немецки – ясно и красиво, – я стал еще больше ею очарован. Однако вскоре заметил, что она все больше нервничает из-за того, что я постоянно на нее смотрю.

Несколько раз она бросала на меня взгляд, который я принял за сердитый. Я струсил и отвел глаза. Но было уже поздно – я не мог перестать смотреть.

Поддавшись порыву, я решил нарисовать ее портрет в своем блокноте, который всегда носил с собой. Само собой разумеется, я сделал это просто потому, что хотел на нее смотреть. Когда закончил, заметил, что рисунок напоминал первую девушку, в которую я когда-либо влюблялся. С ее бледной, хрупкой кожей и чистой, правильной красотой – ее невозможно было забыть.

Но рисунку не удалось передать мягкость девушки, сидевшей передо мной. У меня просто не хватало мастерства, чтобы передать ее грацию,

тепло и жизненную силу в одном простом изображении. И больше всего этот рисунок еще сильнее выбил меня из равновесия. Я продолжал смотреть на нее, пока не закончилась ее презентация, совершенно не осознавая, о чем она говорила.

Когда она закончила, среди студентов началась дискуссия, и лекция затянулась. Все это время она сидела рядом с профессором. И все это время мои глаза были прикованы к ней. Наконец, когда все закончилось, она вернулась на свое место рядом со мной. Она протянула руку, чтобы взять сумку и плащ со стула позади. В этот момент край ее сумки коснулся моей руки, и я почувствовал, что она повернулась ко мне.

По выражению ее лица я понял, что она извиняется, но я почему-то не смог отреагировать. Вероятно, чувствовал себя немного виноватым. В конце концов мы разошлись, не обменявшись ни словом. Она пошла по коридору. Подойдя к лестнице, словно побежала.

Я вышел вскоре после нее и стал медленно спускаться по ступеням. Мимо меня прошла другая девушка. Между ними прозвучала короткая фраза, и я услышал ее голос, доносившийся до меня снизу.

Я купил билет в метро. Поднимаясь по ступеням на платформу, заметил, что она шла впереди меня. Но я так и не решился что-то сказать.

Она села на скамейку. Я почувствовал себя слишком неловко, чтобы сесть рядом, и сел в самом краю скамьи. Наконец подошел поезд. Она встала и зашла в вагон, и я последовал за ней. Она села на откидное сиденье. Я подошел ближе, но остался стоять. Мы оба понимали, что происходит. Она точно видела меня на лекции. Но я все равно не

мог заставить себя заговорить... Что вообще можно сказать? – думал я. Пока, наконец, не выдавил:

– У вас не подскажите, сколько времени?

Она показала мне запястье с часами. Было уже девять.

– Уже девять? – с удивлением сказал я.

– Именно, – ответила она с легким смешком, и в ее взгляде читалось, что я явно опаздываю.

Когда поезд остановился, я вышел на мгновение, но, поняв, что ошибся, поспешно заскочил обратно. На следующей остановке я вышел снова. Когда шел по станции, вдруг услышал, как кто-то подбежал сзади.

Это была она. И в одно мгновение исчезла, растворившись в темноте лестничного пролета. Когда я добрался до следующей платформы, чтобы перекусить, с удивлением обнаружил, что она стоит там. Я замер, пытаясь перевести дух. На этот раз разговор пошел легко. Я улыбнулся и подошел ближе. И увидел, что она тоже улыбается.

– Мне нужно быть в одном месте в 9:15...

– Вот это да. Почему не ушла с лекции пораньше?

– Но...

– Потому что сидела рядом с профессором? – засмеялась она.

– Ты, значит, изучаешь дадаизм? – спросил я.

– Да, – ответила она немного неуверенно. – Я исследую дуализм в произведениях... – (имя автора вылетело у меня из головы).

– Я тоже изучаю дадаизм с начала XX века, сравниваю с работами японских писателей.

На самом деле я никогда особо не интересовался японской литературой. Да и вообще, я никогда

прежде не обсуждал западную литературу со студенткой из Европы. Я просто не знал, о чем говорить, когда дело касалось учебы.

Наконец подошел поезд, и на этот раз мы зашли в вагон вместе. Она быстро прошла через салон и села на боковое место у окна. Место рядом было свободно, но мысль о том, чтобы сидеть вплотную к ней, показалась мне слишком тревожной, и я нарочно сел напротив.

Сидя напротив, я украдкой на нее поглядывал. На ней был довольно просторный, чуть поношенный дождевик, кажется, вязанный вручную свитер и тонкий шарф-труба. В ее одежде не было ничего декоративного. Она прямо смотрела на меня с легким любопытством. В отличие от француженок, которые казались такими отстраненными, с ней казалось возможным сблизиться естественным образом.

– В Японии есть дадаистские писатели? – небрежно спросила она. В моей голове слова «дадаизм» и «Япония» никак не соединялись. Я начал гадать, какой она представляет себе Японию. Наверняка как очень, очень далекую островную страну где-то в Азии. Снова я почувствовал, что между нами такая же дистанция, как между ней и Японией.

– Есть, – только и сказал я. А потом добавил: – Но это было довольно давно, лет пятьдесят назад... – Я хотел сказать, что в Японии была похожая литературная волна полвека назад, но тут же подумал, что это было просто подражание Западу, даже не движение, и вдруг почувствовал себя ничтожным. Это было унаследованное чувство стыда за свою страну, та необоснованная неполноценность, ко-

тору ю японцы часто испытывают. А может, это было просто мое личное восприятие. Она же продолжала говорить так же спокойно.

– Ты часто ходишь на авангардные выставки? – спросила она.

– Эм... – замялся я. – Ну да... особенно на спектакли и все такое, – ответил я.

В воображении я уже видел нас в театре, сидящих рядом.

Когда я спросил, сколько у нее осталось занятий, она ответила:

– Два. Заканчиваю в мае.

Я понял это так, будто на следующей неделе она уже не придет, и это наш последний разговор.

– Я раньше сделал набросок твоего лица, – сказал я и хотел добавить, что волновался, вдруг своим взглядом доставил ей неудобство. Вместо этого я просто протянул ей блокнот с рисунком. Она слегка склонила голову, принимая его. Несколько секунд рассматривала рисунок, ничего не говоря.

– Он не очень... – пробормотал я в качестве оправдания. Она снова чуть склонила голову. Улыбнулась и вернула мне блокнот.

– Я часто рисую людей на лекциях, – сказал я. – Я даже нашего преподавателя, Бино, рисовал.

– Правда? – снова рассмеялась она.

Она вышла на пятой или шестой остановке.

– Пока, – сказала она с той же улыбкой, что осталась со мной с прошлого раза.

Я почувствовал, как край ее плаща коснулся моего плеча, когда она покидала вагон. Холодный ветер, ворвавшийся в дверь, как будто уносил с собой теплое воспоминание о ней. Меня окутало

спокойствие и тепло. Нервозность исчезла, и я, расслабленный, усталый, уставился в окно на платформу.

Если это и правда был наш последний разговор, тогда почему, подумал я вдруг, я не пригласил ее на спектакль, когда она сама об этом заговорила? Но я не чувствовал сожаления. Наоборот – на моем лице появилась улыбка.

Весь день она была у меня на заднем плане сознания.

И вот, через неделю, я снова увидел ее на той же лекции. Я только что сел на крайний стул у прохода, как она вошла. Прошла мимо по тому же ряду и уже собиралась сесть у окна на противоположной стороне, когда поймала мой взгляд. Она улыбнулась тем же прекрасным, теплым выражением, с которым мы расстались неделю назад.

Позади нее сидел французский студент и корейская девушка, которая всегда была с ним. Эти две девушки заговорили. Слишком далеко, чтобы расслышать, но, похоже, речь шла о футболке, что была на ней. Белая, с короткими рукавами, с изображением азиатского домика и иероглифами на груди.

– Зачем ты это надела? – казалось, спрашивала она. – Ну, может, я немножко странная, – ответила другая, сделав рукой двусмысленный жест и вызвав у всех смех.

– Где ты ее купила? – спросила корейка.

– В Сен-Мишель.

Может быть, потому что я слишком явно смотрел, или потому что она сказала, что я из Японии, но корейская девушка повернулась ко мне и, указывая на грудь подруги, спросила:

– Ты можешь это прочитать?

Это был мой шанс подойти ближе, и я подошел. Но она даже не повернулась ко мне.

Я наклонился, чтобы прочитать надпись на ее груди. Прямо перед моим лицом оказались ее округлые груди, и я, не думая, отвел взгляд.

Я не смог прочесть иероглифы.

– Это китайские, – сказал я. – Я не могу их прочитать.

С некоторым колебанием я достал свой блокнот, который лежал раскрытым на столе, где я сидел. Но даже тогда мне не хватило смелости сесть рядом с ней.

Наконец началась лекция. Меня клонило в сон, и я дремал почти все занятие, все время ощущая рядом ее белую кожу. Когда я поднял глаза, то заметил по правую руку от себя еще одну симпатичную девушку. Типично француженка – утонченные черты лица и холодный нрав. Мы мельком познакомились неделей ранее, и она, казалось, уже знала обо мне все. От нее исходило странное, неприятное чувство – как будто она в то же время и знакома, и враждебна. У нее была смуглая кожа. Когда я сравнивал ее с той другой девушкой, она почему-то напоминала мне тофу. Эта мысль показалась мне забавной, я чуть не рассмеялся. И тогда я понял: хоть я почти ничего о ней не знаю, она меня невероятно завораживает.

Действительно ли я ощущал ее белую кожу все это время, или это было просто от дремоты? Вскоре лекция закончилась, и студенты начали выходить из аудитории. Но она осталась. Надеюсь найти с ней точку соприкосновения, я спросил, не знает ли она хорошую книгу о сюрреализме.

– Эм, ну... – замялась она. – Мне сначала нужно поговорить с преподавателем по одному вопросу...

Преподаватель разговаривал с другим студентом.

В конце концов, она осталась в аудитории одна. Они с преподавателем перекинулись парой фраз у кафедры. Потом она вернулась на свое место и на клочке бумаги начала что-то писать – я предположил, что это был ее адрес. Мне показалось невежливым заглядывать через плечо, и я отошел в сторону. Она писала медленно, не торопясь. Наконец встала, отдала листок преподавателю, и они вместе подошли к окну.

Из коротких рукавов ее футболки виднелись молочно-белые руки. Я начал представлять себе, какой на ощупь должна быть ее гладкая кожа. И снова понял, как сильно она напоминала мне мою первую настоящую любовь. Мы жили в одном здании, и летом она часто приходила посидеть в моей комнате, оголяя свои молодые руки. Но она всегда была с одним и тем же парнем...

Как-то, когда мы были вдвоем, он, глядя на ее руки, полунасмешливо посмотрел с вопросом.

– Они вкусные, – засмеялась она. Она пожала плечами, густо покраснела и сказала мне:

– Хочешь попробовать?

– Да, хочу, – ответил я. Я никогда не забуду этот разговор.

– В таком случае, это на том же расстоянии, что и Ницца, – сказал голос преподавателя. Я поднял глаза и увидел, как он говорит с улыбкой, которую прежде никогда у него не замечал.

Впрочем, он также улыбался во время ее презентации на лекции. С менее привлекательными студентками он держался с явным пренебрежением.

Его выражение лица будто говорило: «Ну и бардак!» Вскоре разговор закончился, и преподаватель ушел.

– Тогда на следующей неделе я дам тебе справку о посещении, – сказал он на прощание, мельком взглянув и на меня. Мне даже показалось, что его доброжелательность распространилась и на меня.

Мы остались вдвоем. Вдруг аудитория показалась пугающе пустой, и это вызвало во мне тревогу. Я уже хотел было подойти к ней, но она, не сказав ни слова, поднялась и направилась к выходу. Я сделал то же самое, и мы пошли по коридору вместе, затем спустились по лестнице. Мы все еще молчали, даже выйдя из здания. Я становился все более нервным. И вдруг, уже на улице, она сказала:

– Сюрреализм Мишеля Каду.

– Каду? – переспросил я несколько раз, сбитый с толку: имя показалось мне японским. Я заметил двух студентов – ту самую азиатскую девушку и француза – стоящих неподалеку. Казалось, они ее ждали. Я почувствовал себя лишним.

Снова заговорили о ее футболке. На этот раз я уже не так стеснялся взглянуть на ее грудь. Как и прежде, ее грудь красиво поднималась и опускалась при дыхании, и я даже почувствовал исходящее от нее легкое тепло. Когда я взглянул на ее лицо, она смотрела мимо меня, будто не замечая моего присутствия, или же просто скучая. В любом случае, она не улыбалась.

К тому моменту, как мы дошли до улицы напротив метро, я почувствовал себя неловко. Заговорили о том, чтобы зайти в кафе. Я пошел немного впереди и, поколебавшись, уже хотел было попрощаться, когда молодой человек сказал: